СЕРГЕЙ ВЯЗЕМСКИЙ

СЛУЖЕБНАЯ ПОГРЕШНОСТЬ

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Сергей Вяземский
Служебная погрешность

https://litres.ru/74754073
SelfPub; 2026

Аннотация

Ночной вызов на кольцевую дорогу кажется рядовым дорожным происшествием. Фургон врезается в легковушку, но капитан дорожной полиции Павел Крайнов находит под ящиками продуктов промышленные контроллеры со сбитыми номерами и сорванную пломбу Росрезерва. Спустя трое суток инспектора арестовывают за взятку в двести тысяч рублей. Старший оперуполномоченный собственной безопасности майор Артём Герасимов и следователь Следственного комитета капитан юстиции Юлия Семёнова берутся за проверку, не зная, что за мелким делом стоит холдинг олигарха Романа Бурцева. Многомиллиардная концессия превратила служебную погрешность в конвейер хищения оборонного сырья. Герасимову и Семёновой предстоит доказать правду, когда против них играет руководство полиции.

Содержание

Глава 1. Слепая развязка 4
Глава 2. Наряд на проверку 16
Глава 3. Разговор в камере 29
Глава 4. Басманный коридор 40
Глава 5. Цифровой мираж 50
Глава 6. Кабинет на седьмом этаже 62
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Сергей Вяземский
Служебная погрешность

Глава 1. Слепая развязка

Ноябрь в Подмосковье всегда пахнет мокрым гравием, застоявшейся соляркой и прелой листвой, которую затянуло в водосточные трубы придорожных кюветов. К двум часам ночи над сто семьдесят восьмым километром Центральной кольцевой автодороги повисла плотная, белесая муть. Туман поднимался от заболоченной низины реки Пахры, наползал на бетонное полотно эстакады и превращал свет мощных светодиодных мачт в размытые, слепящие пятна. Асфальт блестел тонкой пленкой ледяной водяной кашицы: температура балансировала на отметке ноль градусов, и каждый затяжной поворот требовал от водителей предельной концентрации.

Патрульный седан дорожно-патрульной службы с синей полосой и включенной красно-синей балкой стоял на широком асфальтовом островке безопасности перед съездом на старое Варшавское шоссе. Старший инспектор отдельного батальона ДПС капитан полиции Павел Крайнов поднял воротник форменного бушлата со светоотражающими шевронами и зябко повел плечами. Ему было сорок два года, два-

дцать из которых прошли на асфальте под дождем, ветром и ледяным душем из-под колес тяжелых фур. Лицо капитана задубело, покрылось сеткой мелких обветренных морщин, а взгляд приобрел ту особую цепкую неподвижность, которая вырабатывается только у людей, ежедневно видящих последствия лобовых ударов на загородных магистралях.

В пятидесяти метрах от патрульной машины, наперерез второй полосе движения, замер грузовой фургон ГАЗон Next с высоким белым изотермическим кузовом. На бортах фургона виднелись выцветшие наклейки несуществующей агрофирмы, изображавшие улыбающуюся корову и пучок петрушки. Передний бампер грузовика был вмят внутрь, радиаторная решетка треснула, а под двигателем растекалась густая темная лужа вытекшего антифриза, шипящего на горячем выпускном коллекторе. Чуть поодаль, уткнувшись правым крылом в деформированный оцинкованный отбойник, стоял серебристый седан корейского производства. Водитель легковой машины, молодой парень в спортивной куртке с накинутым капюшоном, сидел на корточках возле колеса и судорожно набирал номер на смартфоне, мелко вздрагивая от сырого холода.

«Живой?» негромко окликнул его Крайнов, подойдя вплотную и прикрывая планшет с бланками протоколов от секущей водяной пыли. «Скорую вызывать, или сам до утра дотянешь?»

Парень поднял бледное, перекошенное от испуга лицо:

«Не надо скорую, командир. Плечо ушиб и ремнем грудь сдавило, когда дернуло. Я ведь по своей полосе шел, ровно восемьдесят. А этот на газоне передо мной из правого ряда без поворотника вильнул, будто его ветром сдуло. Резко так, наперерез. Я по тормозам, меня потащило боком, ну и приложило».

«Разберемся, кто куда вильнул», сухо отозвался капитан. «Сиди в машине, печку включи, если радиатор цел. На ветру не торчи, простудишься до воспаления легких. Документы твои где?»

«В бардачке лежат. Права, страховка, свидетельство. Все чисто, командир, честное слово».

Крайнов кивнул и повернулся к фургону. Водитель грузовика, невысокий коренастый мужчина лет сорока в засаленной спецовке и вязаной строительной шапке, стоял у задней рампы и нервно крутил в пальцах дешевую пластиковую зажигалку. Его пальцы заметно подрагивали, но не от ноябрьской сырости, а от глубокого внутреннего напряжения. Он то и дело бросал косые, тревожные взгляды назад, вдоль пустынного полотна кольцевой трассы, словно высматривал кого-то в полосе густого тумана.

«Фамилия, имя, отчество», потребовал Крайнов, доставая шариковую ручку.

«Савельев Игорь Николаевич», скороговоркой выпалил водитель. Голос у него был сиплый, прокуренный. «Экспедитор я. И водитель по совместительству. Товар везу из Ря-

занской области. Молочка скоропортящаяся, сыры мягкие, творожная масса. Мне до шести утра надо успеть на разгрузку в распределительный центр в Домодедово. Командир, давай по-быстрому европротокол оформим, а? У меня ущерба на три копейки, радиатор проволокой прикручу и дотяну. Пацану этому я прямо сейчас на карту полтинник переведу за бампер, он согласен. Время горит, товар пропадет, с меня хозяин шкуру спустит».

Крайнов внимательно посмотрел водителю прямо в глаза. Что-то в этой торопливой суете царапнуло профессиональное чутье офицера. Водители продуктовых фургонов после аварий обычно вели себя иначе: ругались матом, звонили диспетчерам, кляли дорожные службы за гололед и торговались за каждую царапину. Савельев же вел себя так, будто готов был бросить грузовик прямо на трассе и убежать в лес, лишь бы инспектор не заглядывал внутрь будки.

«Путевой лист и товарно-транспортные накладные покажи», спокойно произнес капитан.

Савельев полез во внутренний карман куртки, достал сложенную вчетверо помятую бумагу с синей печатью общества с ограниченной ответственностью и протянул инспектору. Крайнов включил карманный фонарь и направил луч на строки документа. Печать принадлежала некоей рязанской логистической фирме «Агро-Транзит», однако дата выезда в путевке стояла трехдневной давности, а в графе пункта назначения вместо конкретного адреса склада значилось лишь

размытое указание: до востребования по Московскому региону.

«Интересный у тебя скоропорт», усмехнулся Крайнов, возвращая бумагу. «Творог твой трое суток по трассе катается при плюсовой температуре рефрижератора? Открывай задний отсек. Посмотрим, что там за сыры».

Савельев побледнел еще сильнее. Его кадык судорожно дернулся: «Командир, нельзя вскрывать. Там пломба висит строгая, отправительская. Если пломбу сорвать, груз на приемке забракуют в полном объеме. Акт распломбировки нужен, представитель грузополучателя, санитарный врач. Не бери грех на душу, командир. Ну хочешь, договоримся на месте? У меня на бензин наличка есть, двадцать тысяч отдам».

«Ты мне тут взятку не суй под протокол», жестко оборвал его капитан. «Статья двести девяносто первая, до восьми лет лишения свободы. Встань к борту, руки держи на виду. Открывай, говорю. Или я вызову следственно-оперативную группу с понятыми, и тогда вскрывать будем с полным досмотром и служебной собакой».

Поняв, что уговоры не действуют, Савельев тяжело вздохнул, подошел к тяжелым распашным дверям рефрижератора и взялся за стальной запорный рычаг. На рычаге висела массивная свинцовая пломба на витом тросике. Крайнов наклонился ближе и осветил ее фонарем. Вместо стандартного клейма коммерческой торговой сети на холодном свинце от-

четливо проступал гербовый оттиск Федерального агентства по государственным резервам и выбитый буквенный индекс специального хранения. Более того, сам тросик с одной стороны имел следы аккуратного перекусывания кусачками и был повторно зажат самодельной латунной муфтой. Пломба была фальшивой копией, созданной для отвода глаз при беглом дорожном контроле.

«Сам открывай», повторил Крайнов, положив правую ладонь на кобуру табельного пистолета.

Двери со скрежетом распахнулись. Из темного нутра изотермического кузова пахнуло не кислым молоком и не залежавшимся творогом, а сухим, специфическим духом машинного масла, свежего лака и нагретой электроники. Внутри, прямо у самого порога, действительно стояли три деревянных поддона с картонными коробками, на которых красовались надписи рязанского молочного комбината. Но за этой импровизированной ширмой открывалось совершенно иное пространство.

Луч фонаря Крайнова скользнул в глубину фургона. Там, надежно закрепленные стяжными грузовыми ремнями к стальным проушинам пола, стояли четыре тяжелых металлических контейнера армейского типа, окрашенные в темно-серый матовый цвет. На углах контейнеров виднелись резиновые демпферы, а на замках висели электронные пломбы-индикаторы с мерцающими зелеными светодиодами. Верхняя крышка одного из ящиков от удара при аварии

сместилась на пару сантиметров в сторону, сорвав контрольную ленту.

Крайнов поднялся на ступеньку рампы и посветил в щель. Внутри, в ложементах из плотного черного пенополиуретана, ровными рядами лежали массивные электронные блоки управления промышленными приводами и тяжелые титановые запорные клапаны высокого давления, применяемые на магистральных газопроводах и узловых компрессорных станциях. На полированных металлических шильдиках каждого блока заводские серийные номера и клейма военной приемки были грубо, методично спилены фрезой. Вместо них желтела временная бумажная маркировка с непонятными цифровыми кодами и логотипом частного логистического оператора «Северный шлюз».

«Это что за творог такой, Савельев?» тихо спросил Крайнов, спускаясь на асфальт. «Титановые задвижки на завтрак кушаешь?»

Водитель молчал, глядя в землю. Его лицо стало землисто-серым.

В этот момент со стороны темного съезда на шоссе послышался глухой, мощный гул форсированного мотора. Из клубящегося тумана на высокой скорости вынырнул черный тонированный внедорожник «Тойота Ленд Крузер» без переднего номерного знака. Машина резко затормозила, взвизгнув шипованной резиной по мокрому бетону, и встала впритирку к патрульному седану, перекрыв выезд на полосу.

Двери внедорожника распахнулись. Из салона быстро вышли двое мужчин в дорогих темных пуховиках и армейских тактических ботинках. Одному из них было около сорока, плотного телосложения, с короткой стрижкой и жестким, немигающим взглядом тяжелых серых глаз. Второй, чуть моложе, держал правую руку в кармане куртки так, что очертания короткоствольного оружия под тканью угадывались без всяких сомнений.

«Капитан, доброй ночи», спокойно, уверенным командирским тоном произнес старший, шагнув навстречу Крайнову. Он не стал тянуться за документами водителя, а сразу распахнул кожаное портмоне, показав красную корочку служебного удостоверения. «Подполковник Зубов, управление экономической безопасности и противодействия коррупции областного главка. Работаем по специальному оперативному поручению».

Крайнов машинально взглянул на удостоверение. Документ был подлинным: начальник одного из ключевых оперативно-разыскных отделов УЭБиПК Роман Платонович Зубов. Однако появление целого подполковника главка в три часа ночи на глухой развязке ЦКАД через двадцать минут после рядового столкновения выглядело абсолютно нереально. Таких совпадений на кольцевых дорогах за двадцать лет службы капитан не встречал ни разу.

«Здравия желаю, товарищ подполковник», сдержанно ответил Крайнов, не убирая ладонь с кобуры. «Старший ин-

спектор Крайнов. Оформляю ДТП с материальным ущербом. Водитель грузовика перевозит промышленное оборудование со спиленными номерами под видом сельхозпродукции. Пломба Росрезерва имеет признаки подделки. Собирался вызывать дежурного следователя и следственно-оперативную группу территориального отдела».

Зубов коротко, снисходительно усмехнулся и подошел ближе, оттесняя Крайнова от распахнутого кузова: «Не надо никого вызывать, капитан. Опередил ты нас немного. Этот автомобиль и груз находятся в нашей оперативной разработке уже вторую неделю. Мы вели этот борт от самых складов в Луховицах. Ты нам всю контролируемую поставку чуть под откос не пустил своим протоколом».

«Если идет контролируемая поставка, где ваше предписание на проведение оперативного эксперимента?» твердо спросил Крайнов. «Где постановление, подписанное начальником главка или судьей? У меня на трассе факт дорожно-транспортного происшествия, двое участников, поврежденное ограждение автодора. Я обязан составить схему, зафиксировать отказ тормозной системы и отправить автомобиль на специализированную стоянку до выяснения происхождения груза».

Лицо подполковника Зубова мгновенно утратило напускную доброжелательность. Скулы напряглись, взгляд стал холодным и колючим, как ноябрьский лед под колесами.

«Слушай меня внимательно, капитан», негромко, почти

шепотом произнес офицер главка, наклоняясь к самому уху Крайнова. «Не строй из себя героя советского кино. Этот груз идет по государственной программе модернизации транспортных узлов. Концессия подписана на самом верху, в министерстве. Каждая гайка в этих контейнерах расписана до копейки. Сейчас мой сотрудник садится за руль этого фургона и уводит его на базу временного хранения. Ты в своей карточке учета пишешь, что грузовик получил незначительные повреждения, разъехался с корейцем по согласию сторон, претензий нет. Заявитель от претензий уже отказался. Вон, посмотри на него».

Второй мужчина из внедорожника уже стоял возле помятой легковушки и что-то негромко, но очень внушительно объяснял молодому парню, держа перед его глазами веер пятитысячных купюр. Парень испуганно кивал головой, непрерывно повторяя, что никаких претензий не имеет и подпишет любую бумагу.

«Я подложные документы подписывать не буду», отрезал Крайнов. «У меня путевой лист фальшивый, пломба вскрыта, груз имеет признаки хищения в особо крупном размере. Завтра этот металл всплывет на каком-нибудь нелегальном рынке, а меня под суд отдадут за халатность».

Зубов тяжело вздохнул, сунул руку во внутренний карман пуховика и извлек плотный белый конверт без надписей. Он небрежно сунул его в нагрудный карман бушлата Крайнова, прижав ладонью:

«Здесь двести тысяч рублей, капитан. Считай, что это тебе премия за бдительность от нашего управления. На ремонт патрульной машины, на бензин, детям на зимнюю одежду. Садись в свой форд, выпей кофе из термоса и забудь номер этого прицепа. Если начнешь умничать, капитан, через трое суток ты вылетишь из органов по отрицательным мотивам без пенсии и выходного пособия. А если продолжишь копать, то поедешь в Мордовию валить лес за получение взятки в особо крупном размере с вымогательством. Ты меня хорошо понял?»

Крайнов замер. Пальцы свело от бессильной, глухой ярости. Он понимал, что прямо сейчас, на этом темном бетонном пятачке, он совершенно один против двух вооруженных офицеров влиятельного управления главка, за спиной которых стояли генеральские погоны и министерские кабинеты.

Второй офицер тем временем уже запрыгнул в кабину ГАЗона Next. Стартер грузовика натужно взвизгнул, разбитый мотор чихнул клубом едкого сизого дыма, схватил обороты и взревел. Тяжелый фургон тронулся с места, перевалил через бордюрный камень разделительной полосы и, набирая скорость, растворился в белесой стене тумана по направлению к Москве. Следом за ним, мигнув красными габаритными огнями, бесшумно сорвался черный внедорожник подполковника Зубова.

На пустынной эстакаде остался только капитан Крайнов, разбитая корейская машина и промозглый, пробирающий до

костей ветер.

Капитан медленно достал из кармана белый конверт. Руки офицера дрожали. Он не стал пересчитывать пачки банкнот. Вместо этого он шагнул к патрульной машине, сел на переднее сиденье и достал из-под коврика свой личный путевой блокнот. Туда он аккуратно переписал номер фальшивой пломбы, буквенный индекс ящиков и точный номер шасси рефрижератора, который успел сфотографировать на камеру мобильного телефона еще до появления людей Зубова.

Затем Крайнов достал из слота штатного видеорегистратора патрульного автомобиля крошечную карту памяти формата микро-эс-ди, спрятал ее в подкладку своего форменного ремня и вставил в регистратор пустую запасную флешку.

Капитан еще не знал, что обратный отсчет его свободы уже запущен. Ровно через семьдесят два часа его задержат в собственном гараже офицеры собственной безопасности округа, а в его металлическом шкафчике в раздевалке дежурной части обнаружат те самые двести тысяч рублей, помеченные невидимым люминесцентным составом. Механизм уничтожения строптивого инспектора уже набрал ход, и остановить его могло только чудо или человек, не боящийся заглянуть в самые темные шестеренки государственной машины.

Глава 2. Наряд на проверку

Серый утренний рассвет над Каретным Рядом всегда казался Артёму Герасимову плоским и лишенным объема, точно театральная декорация из застиранного холста. К девяти часам утра мокрый снег с дождем забил водосточные желоба старых доходных домов, а по асфальту внутреннего двора Петровки, 38 с тихим шуршанием катили колесами служебные седаны оперативных служб. В воздухе висел привычный дух бензина, сырой шинельной шерсти, дешевого табачного дыма из курилки у бокового КПП и казенного кофе из автоматов на первом этаже.

Майор полиции Артём Дмитриевич Герасимов поднялся на четвертый этаж исторического корпуса, где размещался 3-й оперативно-разыскной отдел Управления собственной безопасности главка. Герасимову было тридцать восемь лет. Он носил неприметный темно-синий шерстяной пиджак под расстегнутой черной ветровкой, плотные джинсы без лишних швов и разношенные ботинки на толстой резиновой подошве. За двадцать лет службы в органах внутренних дел он так и не приобрел привычки выставлять напоказ форму или статус. После окончания факультета специального машиностроения МГТУ имени Баумана и драматического ухода из конструкторского бюро в систему МВД он сохранил въедливую логику инженера-исследователя: любая система, даже

самая коррумпированная и циничная, подчиняется законам механики, имеет свои узлы напряжений, скрытые люфты и критические точки износа.

В кабинете начальника отдела пахло старой бумагой, сушеным чабрецом и крепким табаком. Полковник полиции Воронков, пятидесятидвухлетний седеющий офицер с тяжелыми мешками под глазами и привычкой тереть переносицу во время трудных разговоров, сидел за массивным полированным столом, заваленным папками с грифом для служебного пользования. Перед ним дымилась толстостенная керамическая кружка с эмблемой дивизии Дзержинского.

«Проходи, Артём, закрывай дверь плотнее», негромко произнес Воронков, даже не поднимая головы от раскрытой картонной папки с надписью «Материалы проверки КУСП номер 14-882». «Садись к столу. Разговор будет неприятный, сухой и, прямо скажу, с сильным запахом тухлятины».

Герасимов молча выдвинул тяжелый полумягкий стул с потрескавшейся обивкой из дерматина и сел напротив начальника, положив на край стола тонкий рабочий блокнот и шариковую ручку: «Слушаю, товарищ полковник. Опять кто-то из районных участковых бензин у дорожников слил?»

«Если бы бензин», горько усмехнулся полковник, отодвигая чашку в сторону. «С бензином мы бы сами за полчаса разобрались и взыскание выписали. Тут история почище. Вчера вечером на специализированной стоянке в Подольске сотрудники окружной собственной безопасности при сило-

вой поддержке Росгвардии задержали старшего инспектора отдельного батальона ДПС капитана Павла Крайнова. Взятка, статья двести девяностая, часть пятая, пункт б. Вымогательство взятки в крупном размере группой лиц либо под угрозой составления подложного административного материала».

Герасимов нахмурился: «Крайнов? Паша Крайнов из областного батальона? Который на Варшавке и на южном секторе кольца сидит больше пятнадцати лет?»

«Он самый», кивнул Воронков. «Ты его знаешь?»

«Пересекались года три назад, когда мы чистили пост на тридцать шестом километре от прикормленных буксировщиков», спокойно ответил Герасимов. «Крайнов тогда отказался подписывать липовые протоколы задержания фур для коммерческих стоянок. Мужик упертый, въедливый, из старых советских сержантов, которые в лейтенанты через заочный юридический пробивались. Жил в старой трешке в Щербинке с женой-учительницей и двумя пацанами. Ни дач на Рублевке, ни кредитных мерседесов у него сроду не водилось. На взятках его ни разу не ловили, хотя оперативных сигналов по его смене за эти годы набегало штук десять. И все десять при проверке оказались пустышками от обиженных стритрейсеров и пьяных коммерсантов».

«А вот вчера не оказалось», Воронков пододвинул папку через полированную плоскость стола. «Читай первоначальные материалы. Заявление от гражданина Кострова Алексея

Юрьевича, девяносто шестого года рождения. Четырнадцатого ноября около двух часов ночи Костров двигался на автомобиле Киа Рио по участку ЦКАД в районе развязки на Подольск. Попал в мелкое столкновение с попутным грузовиком. По словам Кострова, прибывший на место экипаж в лице капитана Крайнова начал оказывать на него неприкрытое психологическое давление, угрожал лишением водительских прав за оставление места происшествия и выезд на встречную полосу, после чего прямо потребовал двести тысяч рублей за мирное урегулирование вопроса без фиксации вины».

Герасимов медленно перевернул лист, вчитываясь в неровные строки протокола устного заявления о преступлении:

«Складно звонит заявитель. Только на ЦКАД разделительный бетонный брус стоит высотой в полтора метра. Какая там встречная полоса? И почему заявление подано спустя трое суток, а не сразу по телефону доверия?»

«Костров объясняет, что испугался погон», продолжил Воронков, постукивая пальцем по столу. «Мол, инспектор забрал его водительское удостоверение и сказал: принесешь бабки в воскресенье к гаражу батальона, иначе оформлю протокол задним числом с отказом от освидетельствования на алкоголь. Костров пришел в окружную службу собственной безопасности. Там заявителя оформили по всем правилам оперативного эксперимента: выдали меченые пятиты-

сячные купюры, обработанные люминесцентным химпрепаратом Огонёк, вручили аудиоконтроль. Вчера в девятнадцать сорок Крайнов подошел к своей служебной раздевалке в здании подразделения, открыл свой персональный металлический ящик номер четырнадцать. Там оперативники и нашли конверт с деньгами».

«Погоди, товарищ полковник», Герасимов поднял глаза на начальника. «Взятку передавали прямо в здании батальона? В раздевалке дежурной части, где посторонних не бывает в принципе?»

«Вот именно», Воронков помрачнел еще сильнее. «По версии окружников, Костров передал конверт Крайнову через окно дежурной части под видом передачи заявления об уточнении схемы ДТП, а капитан якобы сам занес его в раздевалку и спрятал в ящик. Только вот незадача, Артём. В акте применения люминесцентного препарата черным по белому написано: смывы с ладоней и пальцев Крайнова отрицательные. Следов химического красителя на коже инспектора не обнаружено вовсе. Деньги лежали в конверте под стопкой чистых форменных рубашек. Сам Крайнов утверждает, что конверт в глаза не видел, заявителя после ночи аварии не встречал, а ящик его раздевалки закрывается на обычный почтовый замочек, который вскрывается любой канцелярской скрепкой за две секунды».

«А где аудиозапись?» спросил майор, листая страницы протоколов. «Если проводился оперативный эксперимент,

должен быть сплошной аудиоконтроль встречи заявителя и объекта».

«А аудиозапись чудесным образом оказалась неразборчивой», тихо произнес Воронков. «В справке-меморандуме оперуполномоченный округа капитан Леденев указал: из-за плохих погодных условий, помех от базовых станций сотовой связи и конструктивных особенностей холла дежурной части в записи зафиксированы сплошные акустические шумы и обрывки посторонних фраз. Голоса Крайнова на пленке эксперт выделить не смог».

Герасимов откинулся на спинку стула и медленно покачал головой: «Шикарная оперативная комбинация. Чистейший заказной слив. Берут честного мента, бросают конверт в его незапертый ящик, рисуют заявление от прикормленного стукача, аудиоконтроль глушат белым шумом, смывы игнорируют. И отправляют материал во Второй отдел следственного комитета по расследованию преступлений должностных лиц. Крайнову светит от семи до двенадцати строгого режима в Нижнем Тагиле. Зачем окружникам так топорно топить своего же дорожника?»

Воронков наклонился вперед и понизил голос почти до шепота: «Потому что за Крайновым стоят люди, до которых окружная служба собственной безопасности боится даже взглядом дотянуться. Сегодня в восемь утра мне на городской телефон позвонил лично начальник окружного управления экономической безопасности и противодействия кор-

рупции полковник Роман Платонович Зубов».

Герасимов чуть приподнял бровь: «Сам Зубов? Целый полковник главка беспокоится о судьбе рядового инспектора ДПС из-за двухсот тысяч рублей?»

«Не просто беспокоится, Артём. Зубов очень вежливо, вкрадчиво так поинтересовался, кто у нас в третьем отделе назначен куратором служебной проверки по факту задержания Крайнова. Сказал буквально следующее: Роман Платонович лично просит не затягивать с заключением служебной проверки, не устраивать лишних проверочных мероприятий и побыстрее направить резолюцию об увольнении Крайнова по отрицательным мотивам в кадры главка. Дескать, материал железный, округ сработал чисто, не надо бросать тень на честь мундира и портить отчетность по борьбе с коррупцией перед коллегией министерства».

«Какая трогательная забота об отчетности», с холодной усмешкой заметил Герасимов. «Когда окружной ЭБиПК начинает переживать за чистоту рядов дорожной полиции, это значит только одно: дорожная полиция случайно наступила им на хвост в каком-то очень жирном и очень темном месте. Что там произошло на сто семьдесят восьмом километре ЦКАД в ту ночь, товарищ полковник?»

«А вот это ты мне и расскажешь», Воронков с силой захлопнул папку и придвинул ее вплотную к рукам Герасимова. «Официально у тебя распоряжение на проведение служебной проверки в отношении должностных лиц окружной

службы собственной безопасности по факту возможных нарушений при проведении оперативно-разыскного мероприятия. Срок: десять суток. Неофициально: копай все, что связано с этой аварией. Крайнов сейчас сидит в изоляторе временного содержания на Петровке. Следствие ведет Второй отдел ГСУ СК по Москве. Следователем назначена капитан юстиции Юлия Семёнова. Ты с ней знаком?»

«Не доводилось», ответил Герасимов. «Слышал только, что девочка жесткая, принципиальная, из питерской академической школы. По делам таможенников в Домодедово шороху на весь комитет навела, никому спуску не давала».

«Вот с ней и свяжись сегодня до полудня», распорядился полковник. «Она материал к аресту в Басманный суд готовит на завтра. Если там действительно подстава, Крайнова надо вытаскивать до того, как судья закроет его в следственный изолятор. Потому что из СИЗО в нашей системе люди возвращаются либо сломанными инвалидами, либо вперед ногами. И возьми в напарники Вадима Широкова. Пусть пробьет заявителя Кострова по всем базам до седьмого колена: кредиты, штрафы, связи с оперативными службами, биллинги и геолокацию в ночь задержания».

Герасимов поднялся со стула, взял тяжелую картонную папку под мышку и щелкнул каблуками: «Есть, товарищ полковник. Приступаю».

Выйдя из кабинета начальника, майор прошел по длинному гулкому коридору четвертого этажа до небольшой угло-

вой комнаты под номером 412. На массивной двери с кодовым электронным замком висела скромная табличка: Группа технического и аналитического сопровождения оперативно-разыскной деятельности.

Внутри комнаты царил полумрак, разгоняемый лишь синеватым мерцанием четырех больших мониторов высокого разрешения. В воздухе пахло нагретым кремнием, пластиком серверных стоек и растворимым кофе. За широким угловым столом, заваленным внешними жесткими дисками, проводами и переходниками, сидел капитан полиции Вадим Широков. Напарнику Герасимова было тридцать два года, он носил короткую бороду, темное худи с капюшоном и выглядел скорее ведущим программистом финтех-компании, чем старшим оперуполномоченным собственной безопасности полиции.

«Здорово, Артём», не отрывая взгляда от бегущих строк шестнадцатеричного кода на экране, бросил Широков. «Судя по выражению твоего лица, шеф опять подкинул нам дело государственной важности с бюджетом в три рубля и полным отсутствием улик?»

«Хуже, Вадик», Герасимов бросил папку на край стола. «Дело о взятке инспектора ДПС. Двести тысяч рублей, меченый конверт в шкафчике, честный гаишник в изоляторе и личный звонок полковника Зубова из окружного главка с просьбой не дергаться».

Широков присвистнул и развернулся в кожаном кресле:

«Ого. Если Зубов звонит сам, значит, цена вопроса в этом деле измеряется не в тысячах, а в девяти нулях с долларовым значком. Кого прессуют?»

«Павла Крайнова. Капитана из областного батальона. Четырнадцатого ноября он оформил ДТП на кольцевой под Подольском. Столкнулись корейский седан и продуктовый рефрижератор ГАЗон Next. Через трое суток водитель легковушки пишет заявление о вымогательстве, и Крайнова берут прямо на дежурстве».

«Дай-ка мне установочные данные заявителя», оживился Широков, щелкнув суставами пальцев над клавиатурой.

Герасимов заглянул в протокол: «Костров Алексей Юрьевич, двадцать четыре года. Зарегистрирован в Люберцах. Машина Киа Рио, госномер Ольга триста восемьдесят два Василий Константин, семьсот семьдесят седьмой регион».

Пальцы Широкова замелькали по механическим клавишам с пулеметной скоростью. На одном из экранов замелькали таблицы базы данных межведомственного обмена, карточки ГИБДД, кредитные истории и записи системы видеонаблюдения Поток:

«Так, смотрим нашего потерпевшего гражданина Кострова... Ага, прелестно. За последние два года наш бедный мальчик становился участником дорожно-транспортных происшествий ровно девять раз. Девять аварий за двадцать четыре месяца, Артём! И во всех случаях схема классическая, как в учебнике криминалистики: ночной перекресток, резкое тор-

можение перед грузовиком или автобусом, подстава под боковой удар, выплата по ОСАГО и КАСКО на кругленькие суммы. Машина оформлена на подставное юридическое лицо, зарегистрированное в Смоленске. Наш потерпевший это профессиональный автоподставщик и штатный внештатный агент окружного УЭБиПК. Вот, гляди: номер его мобильного телефона за последние полгода светится в контактах дежурного телефона окружного оперативного отдела больше тридцати раз».

Герасимов сжал кулак так, что побелели костяшки: «Вот тебе и случайный пострадавший водитель. Зубов использовал свою штатную шестерку, чтобы сфабриковать повод для задержания Крайнова. А теперь самое главное, Вадим. Пробей второй автомобиль из той аварии. Грузовой фургон ГАЗон Next. Белый изотермический кузов с наклейками агрофирмы. Что с ним стало после четырнадцатого ноября?»

Широков открыл окно поискового запроса единой системы видеофиксации дорожного движения Московской области и ввел параметры района аварии:

«Сейчас глянем камеры комплекса Безопасный регион на сто семьдесят восьмом километре ЦКАД... Так, время: два часа пятнадцать минут ночи четырнадцатого числа. Вот патрульная машина Крайнова, вот легковушка в отбойнике, вот грузовик... Стоп. А это что за фокусы?»

Широков наклонился к экрану, приближая временную шкалу записи:

«Артём, смотри сюда. В два часа сорок минут ночи к месту аварии подъезжает черный тонированный внедорожник Ленд Крузер без переднего номера. Стоит пятнадцать минут. В три часа ровно грузовик трогается с места и уходит в сторону Москвы. А ровно через две минуты после этого все шестнадцать дорожных камер на участке от сто семьдесят восьмого до сто сорок второго километра ЦКАД одновременно уходят в глухой офлайн. По протоколу телеметрии: аварийный сброс сетевого питания и технологическое обновление системного программного обеспечения. Слепая зона на сорок пять минут подряд».

Герасимов замер. В полумраке кабинета повисла тяжелая, гулкая тишина.

«Технологическое обновление по выделенному оптоволоконному каналу спецсвязи», медленно, с расстановкой произнес майор. «Такой доступ к серверам ЦОДД и автодора имеют всего три ведомства в стране. И одно из них это оперативно-поисковое управление министерства. Кто-то вручную выключил глаза всей южной дуге кольцевой дороги, чтобы провести этот грузовик в глубь области без единой видеозаписи».

«И Крайнов оказался единственным свидетелем, который заглянул внутрь кузова до того, как они успели его перехватить», закончил мысль Широков.

«Собирайся, Вадим», Герасимов застегнул ветровку и убрал блокнот в карман. «Едем на Басманный. Надо пого-

ворить со следователем Семёновой до того, как она подпишет ходатайство об аресте в суд. Если мы не успеем заблокировать эту комбинацию сегодня, Крайнова завтра укатают в тюрьму, а правду о том, что лежало в этом фургоне, мы не узнаем уже никогда».

Глава 3. Разговор в камере

Цокольный этаж изолятора временного содержания на Петровке всегда хранил один и тот же въедливый, неистребимый запах: смесь хлорной извести, сырой цементной пыли, кислой казенной каши и застарелого человеческого страха. Здесь не было окон, выходящих на улицу. Единственным напоминанием о внешнем мире служил глухой, мерный гул вентиляционной шахты, прогонявшей сквозь решетки влажный осенний воздух с внутреннего двора.

Дежурный офицер изолятора, майор внутренней службы с тусклыми от бессонницы глазами, долго и придирчиво изучал красное служебное предписание Герасимова с круглой гербовой печатью главка:

«Майор, у меня прямое указание от руководства следственного управления: свидания только с письменного согласия следователя Семёновой. А у тебя тут чисто оперативное распоряжение начальника УСБ».

Герасимов спокойно наклонился к узкому бронированному окошку дежурной части и посмотрел дежурному прямо в переносицу:

«Майор, Федеральный закон об оперативно-разыскной деятельности и статья тринадцатая закона о полиции дают сотрудникам собственной безопасности право беспрепятственного доступа к задержанным сотрудникам органов

внутренних дел в любое время суток для проведения неотложных проверочных мероприятий. Если ты сейчас начнешь играть в бюрократический футбол, я через двадцать минут вызову сюда дежурного прокурора города по надзору за местами принудительного содержания. И проверять законность твоего режима мы будем уже вместе с ним. Открывай следственную комнату номер два».

Дежурный тяжело сглотнул, отвел взгляд и нехотя повернул тяжелый латунный ключ в замке решетчатой переборки:

«Проходи во вторую. Только оружие в сейф сдай. По регламенту положено».

Герасимов расстегнул поясную кобуру, положил табельный пистолет Макарова и запасную обойму в металлический ящик, расписался в журнале приема оружия и прошел по длинному коридору, выкрашенному до половины казенной темно-зеленой масляной краской.

Следственная комната номер два представляла собой бетонный мешок три на три метра. В центре стоял грубо сваренный из стального уголка стол, намертво прикрученный анкерными болтами к полу, и два таких же неподвижных табурета. Под потолком за проволочной сеткой горела тусклая лампа накаливания, отбрасывавшая резкие тени на серые стены.

Дверь со скрежетом отворилась, и конвоир завел в комнату капитана Павла Крайнова.

За трое суток, прошедших с момента ночного задержа-

ния, инспектор ДПС сильно изменился. С него сорвали погоны, форменный бушлат и ремень; он был одет в темно-синий служебный свитер без знаков различия и помятые казенные брюки. Шнурки из ботинок были выдернуты, лицо осунулось, щеки заросли жесткой седоватой щетиной, а под глазами залегли темные круги. Но взгляд капитана остался прежним: жестким, прямым и собранным. В нем не было паники сломленного человека.

«Здравствуй, Павел», Герасимов кивнул конвоиру, и тот, поняв без слов, вышел в коридор, плотно притворив тяжелую стальную дверь. «Присаживайся. Разговаривать будем долго и предельно откровенно».

Крайнов сел на холодный табурет, положил тяжелые, огрубевшие ладони на стол и пристально посмотрел на гостя:

«Артём Дмитриевич? Из третьей оперативно-разыскной части главка? Помню тебя по тридцать шестому километру. Значит, Воронков прислал тебя оформить заключение служебной проверки? Быстро работаете. Сутки прошли, а меня уже под списание готовят, чтобы честь мундира перед министром не запачкать».

«Не торопись с выводами, капитан», спокойно произнес Герасимов, доставая из кармана чистый блокнот. «Если бы я приехал тебя списывать, я бы зашел на пять минут, подписал формальный протокол опроса и уехал пить кофе. Я приехал сюда, потому что знаю: в ночь на четырнадцатое ноября на сто семьдесят восьмом километре ЦКАД ты офор-

мил аварию, которая кое-кому очень сильно жжет карманы. И я знаю, что заявитель Костров это штатный стукач и автоподставщик, который работает под прикрытием окружного ЭБиПК».

Крайнов вздрогнул. Его пальцы на столе непроизвольно сжались в кулаки:

«Значит, вы все-таки зацепили эту нитку? Я думал, Зубов все концы в воду спрятал еще до рассвета».

«Зубов спрятал многое, но не все», Герасимов пододвинулся ближе. «Рассказывай все с самого начала. С первой секунды, как ты увидел этот белый рефрижератор. Каждую мелочь, каждое слово, каждую фамилию. Времени у нас мало: завтра Семёнова выходит с ходатайством об аресте в суд. Если мы не соберем железобетонные основания до вечера, судья закроет тебя в СИЗО номер четыре, а оттуда живым с такой статьей выйти будет очень трудно».

Крайнов глубоко, прерывисто вздохнул, собираясь с мыслями. Когда он заговорил, голос его звучал глухо, но твердо:

«В два пятнадцать ночи четырнадцатого числа поступил сигнал от дежурного по батальону. Столкновение на развязке ЦКАД и старой Варшавки. Я был старшим экипажа, напарник сержант спал в машине после двенадцатичасового перегона. Приезжаем на место: Киа Рио с разбитым крылом у отбойника и ГАЗон Next посреди дороги с пробитым радиатором. Водитель легковушки, сопляк этот Костров, сидит и ноет, как его бедного подрезали. А водитель фургона, некий

Савельев, ведет себя как заяц под фарами: руки трясутся, глаза бегают, сует мне двадцать тысяч наличными прямо в руки, умоляет не оформлять протокол».

«Ты полез проверять кузов?»

«Полез», кивнул Крайнов. «Он мне путевой лист сунул от какой-то рязанской конторы. В графе груза написано: кисломолочная продукция, сыры, творог. А дата выезда трехдневной давности. Творог трое суток по трассе катается при плюсовой температуре рефрижератора? Я потребовал вскрыть отсек. Савельев начал твердить про строгую отправительскую пломбу. Я подошел к замку, посветил фонарем. А там на свинце герб Росрезерва! И оттиск воинской части специального хранения. Причем тросик сбоку перекушен кусачками и аккуратно запрессован латунной трубкой. Фальшивка для беглого дорожного поста».

Герасимов сделал пометку в блокноте: «Что было внутри кузова?»

«У самых дверей стояло три поддона с пустыми коробками из-под рязанского молока, для маскировки. А за ними стояли четыре тяжелых металлических ящика армейского образца. На резиновых амортизаторах, с цифровыми датчиками крена и электронными пломбами. От удара при аварии крышка одного ящика съехала набок. Я заглянул внутрь. Там лежали массивные электронные блоки управления промышленными приводами и тяжелые титановые запорные клапаны высокого давления. Такие ставят на магистральные га-

зопроводы, компрессорные станции и узлы высокого давления атомных контуров. Каждая деталь в вакуумной упаковке. И самое главное, Артём Дмитриевич: на каждом блоке заводские номера и шильдики военной приемки были грубо, начисто спилены болгаркой или фрезой! А сверху наклеена временная серая этикетка со штрихкодом и надписью: логистический оператор Северный шлюз».

«Северный шлюз», повторил Герасимов. «Это центральный перегрузочный терминал консорциума Северный Инфраструктурный Альянс в Домодедово. Частная территория со своим таможенным постом и закрытой железнодорожной веткой».

«Именно так», Крайнов сжал зубы. «Я понял, что передо мной краденое государственное имущество стратегического назначения на десятки миллионов рублей. Стал звонить дежурному по отделу, чтобы вызвать следственно-оперативную группу с понятыми и следователем СК. И тут на эстакаду на бешеной скорости влетает черный крузак без номеров. Из него выходит подполковник Роман Зубов и с ним громила в штатском. Зубов сразу показал удостоверение начальника окружного отдела УЭБиПК и заявил, что это их контролируемая поставка, которую они ведут от самых Луховиц».

«Он предъявил процессуальные документы?»

«Никаких документов он не показал!» с горечью выкрикнул Крайнов. «Сказал: закрой рот, капитан, этот груз идет по федеральной концессии, согласован на самом верху в мини-

стерстве. Сунул мне в карман бушлата белый конверт с двумястами тысячами рублей, пригрозил, что если я вякну, меня сгноят в колонии. Второй опер сел за руль фургона, завел разбитый мотор и увел грузовик в сторону Москвы. Кострову они сунули денег, он тут же написал отказ от претензий. И они уехали».

«Что ты сделал с конвертом, Павел?» тихо спросил Герасимов.

«Я его даже не вскрывал», твердо ответил капитан. «Я приехал в расположение батальона в Подольске в четыре утра. Сел в дежурной части, написал подробный рапорт на имя командира полка о попытке дачи взятки должностным лицом и вмешательстве сотрудников УЭБиПК в оформление ДТП со стратегическим грузом. Конверт этот проклятый я скотчем примотал к рапорту и положил в сейф дежурного офицера майора Сорокина под роспись в журнале входящих пакетов. А в воскресенье вечером меня крутят в раздевалке. Оказывается, мой рапорт из сейфа исчез без следа, запись в журнале вырвана с корнем, а конверт каким-то чудом оказался в моем личном ящике номер четырнадцать, прямо под рубашками! Майор Сорокин глядит мне в глаза и говорит: ничего не знаю, капитан Крайнов никакого пакета мне не сдавал, рапортов не писал».

Герасимов замер, ощущая, как внутри поднимается холодная, расчетливая злость. Механизм круговой поруки работал безупречно: дежурный офицер батальона был куплен

или запуган окружными безопасниками, документы уничтожены, а взятка красиво переложена в шкафчик для создания железного состава преступления.

«Павел, ты что-нибудь сохранил?» майор пристально посмотрел в глаза собеседнику. «Любое вещественное доказательство. Номер шасси, фотоснимки, видеозапись?»

Крайнов горько усмехнулся и впервые за весь разговор слегка наклонился через стол к Герасимову:

«Артём Дмитриевич, я на дороге двадцать лет стою. Я знаю, как наша система умеет перемалывать людей, если они видят то, чего видеть не положено. Когда я оформлял аварию, видеорегистратор моей патрульной машины писал непрерывно со звуком. Там зафиксирован весь разговор с Зубовым от первого до последнего слова. И то, как он мне деньги в карман совал, и то, как грузовик уводили без протокола изъятия».

«Где эта запись?»

«В штатный регистратор я перед сдачей смены воткнул пустую флешку из бардачка», тихо произнес Крайнов. «А подлинную карту памяти формата микро-эс-ди я заклеил черной изолентой и спрятал в своем гараже в Щербинке. Кооператив Автомобилист-4, бокс двести восемнадцать. Там в смотровой яме, под старым верстаком, есть тайник: в бетонной стене выбит кирпич, за ним металлическая банка из-под солидола. В этой банке лежит карта памяти и подлинный дубликат накладной с номерами шасси и кодами контейне-

ров, который я вытащил из кабины фургона, пока Савельев сопли жевал».

Герасимов быстро записал координаты тайника, используя собственную систему сокращений:

«Твой гараж уже обыскивали?»

«Окружники вчера приезжали с понятыми», ответил Крайнов. «Перевернули все вверх дном, полки сорвали, инструмент разбросали. Но в смотровую яму они лезть побрезговали: там на дне сантиметров десять воды стояло после дождей. Банка лежит в нише на высоте полутора метров, в сухом месте. Но долго она там не пролежит. Если Зубов поймет, что у меня осталась копия, он этот гараж экскаватором снесет».

Капитан помолчал несколько секунд, а затем его голос дрогнул:

«Артём... Ночью ко мне в камеру приходили».

Герасимов резко поднял голову: «Сюда? В изолятор временного содержания главка?»

«В два часа ночи», шепотом произнес Крайнов, и в его глазах мелькнул настоящий, ледяной ужас. «Дежурный открыл дверь, вывел меня в комнату досмотра. Там стоял человек. Высокий, подтянутый, лет сорока пяти. Одет в дорогое черное пальто, без погон, но выправка чисто армейская, спецназовская. Лицо гладкое, как маска, глаза пустые, серые. Он не стал представляться. Сказал только: капитан, ты человек семейный. Жена у тебя в школе русский язык препо-

дает, старший сын в колледже учится, младший во второй класс пошел. Город у нас большой, дороги скользкие, машины тяжелые, тормоза у грузовиков иногда отказывают на пешеходных переходах. Если на суде начнешь вспоминать про белые фургоны и титановые клапаны, твоя семья не доживет до первого снега. Подпишешь признание во взятке, получишь пять лет условно с учетом безупречной службы и поедешь на дачу клубнику сажать. А если нет, тебя похоронят прямо на тюремном кладбище».

Герасимов почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Пропустить постороннего человека ночью в камеру охраняемого изолятора на Петровке без фиксации в журнале учета мог только тот, кто обладал абсолютным, непререкаемым авторитетом на самом верху полицейской иерархии.

«Ты запомнил его приметы?»

«На левом запястье у него татуировка: парашютный купол и три латинские буквы, перечеркнутые кинжалом», глухо произнес Крайнов. «И на правом виске глубокий шрам от осколочного ранения. Он говорил тихо, без мата, без крика. Но я понял: этот человек не пугает. Он просто ставит перед фактом».

Герасимов медленно закрыл блокнот и поднялся на ноги:

«Держись, Павел. Никаких признательных показаний не подписывай. Ссылайся на пятьдесят первую статью Конституции: право не свидетельствовать против себя. Следователь

Семёнова сегодня придет на официальный допрос. Ей ты скажешь только то, что вину не признаешь, деньги тебе подбросили, а все показания ты дашь в присутствии независимого адвоката от адвокатской палаты города, которого я тебе сегодня найду».

«Думаешь, получится сломать эту стену, Артём Дмитриевич?» с безнадежной тоской спросил инспектор. «Там ведь миллиарды крутятся. За такие деньги они половину министерства купят с потрохами».

«Министерство они, может, и купят», жестко ответил Герасимов, стуча кулаком в запертую дверь, чтобы вызвали конвой. «Но физику процесса они отменить не смогут. Если в системе есть трещина, она неизбежно развалится под собственной тяжестью. Главное: точно приложить усилие в нужной точке».

Глава 4. Басманный коридор

Здание Второго отдела по расследованию особо важных дел Главного следственного управления Следственного комитета России в Басманном переулке всегда производило впечатление крепости, в которой привыкли жить в режиме перманентной позиционной войны. Здесь не было суеты районных отделов полиции, не хлопали беспрестанно входные двери, не толпились в коридорах растерянные граждане с заявлениями о кражах велосипедов. За массивными дубовыми дверями с латунными ручками царила тишина архива, нарушаемая лишь сухим треском лазерных принтеров, прошивающих очередные тома многоэпизодных уголовных дел, да негромкими шагами конвоиров.

Майор Герасимов поднялся на третий этаж, миновал пост вооруженной охраны и постучал в строгую белую дверь с номером триста четырнадцать. На металлической планке значилось: Старший следователь по особо важным делам капитан юстиции Семёнова Юлия Валерьевна.

«Войдите», отозвался изнутри четкий, приятный, но абсолютно лишенный эмоций женский голос.

Герасимов открыл дверь и перешагнул порог.

Кабинет следователя напоминал лабораторию точных измерений. Никаких пыльных нагромождений бумаг на подоконниках, никаких сувенирных календарей с тиграми или

позолоченных часов, столь любимых многими полицейскими начальниками. Вдоль стены выстроились серые металлические сейфы высокой степени взломостойкости. На безупречно чистом столе стоял тонкий монитор рабочей станции, перекидной календарь, стопка белых листов бумаги формата А4 и подставка с гелевыми ручками черного цвета. Возле окна, на отдельной полке, в строгой темной рамке висел диплом Санкт-Петербургского государственного университета с отличием по специальности судебная экспертиза и уголовный процесс.

За столом сидела капитан юстиции Юлия Семёнова. Ей было двадцать девять лет. Темно-каштановые волосы были гладко зачесаны назад и собраны в строгий узел на затылке. Тонкие, правильные черты бледного лица, прямой нос и серые, удивительно ясные и проницательные глаза создавали впечатление обманчивой хрупкости, которая мгновенно рассеивалась, стоило ей заговорить. Синий форменный китель Следственного комитета с двумя маленькими золотистыми звездочками на погонах сидел на ней идеально, словно сшитый по индивидуальному заказу лучшим военным портным.

«Майор Герасимов? Третий отдел УСБ главка?» Семёнова оторвала взгляд от экрана и указала кончиком ручки на кресло для посетителей. «Присаживайтесь. Полковник Воронков предупредил о вашем визите. Сразу очертим границы: если вы приехали просить за коллегу по ведомству, уговаривать изменить квалификацию на халатность или наме-

кать на ведомственную солидарность, то зря потратили бензин. Материал по капитану Крайнову поступил из окружного отдела собственной безопасности в полном процессуальном объеме. Постановление о возбуждении уголовного дела по пункту б части пятой статьи двести девяностой мной вынесено вчера в двадцать два часа. Завтра в десять утра у меня назначено судебное заседание в Басманном суде по рассмотрению ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу».

Герасимов не стал торопиться с ответом. Он снял куртку, аккуратно повесил ее на спинку стула, сел и положил перед собой раскрытую рабочую тетрадь:

«Капитан Семёнова, если бы я приехал выгораживать взяточника, я бы привез вам ходатайство от руководства главка с перечислением его ведомственных наград и характеристикой от совета ветеранов. Но я приехал с материалами оперативной проверки, которые показывают: уголовное дело номер сорок один дробь восемьсот, которое сейчас лежит на вашем столе, это классическая фальсификация, организованная окружным управлением экономической безопасности с одной-единственной целью: заткнуть рот свидетелю хищения стратегического государственного груза».

Юлия слегка приподняла тонкую бровь. Ее пальцы замерли над клавиатурой:

«Фальсификация? Майор, у меня в деле подшиты результаты оперативно-разыскного мероприятия оперативный экс-

перимент, утвержденные заместителем начальника окружного управления. Есть акт добровольной выдачи меченых денежных средств, протокол осмотра места происшествия, заявление потерпевшего гражданина Кострова, аудиозапись разговора».

«Давайте пройдемся по вашим безупречным доказательствам, товарищ следователь», спокойно предложил Герасимов. «Начнем с потерпевшего. Гражданин Костров Алексей Юрьевич, двадцать четыре года. В ваших материалах он проходит как добропорядочный автолюбитель, ставший жертвой милицейского вымогательства. А в базе межведомственного обмена за последние двадцать четыре месяца гражданин Костров фигурирует участником девяти аналогичных дорожно-транспортных происшествий. Профессиональный автоподставщик, работающий на страховые компании под оперативным прикрытием окружного УЭБиПК. За последние полгода номер его мобильного телефона тридцать восемь раз зафиксирован базовой станцией на улице академика Варги, прямо у здания окружного управления полиции, и связывался напрямую с дежурным телефоном оперативно-разыскной части номер четыре».

Семёнова на секунду замолчала. В ее взгляде мелькнул холодный профессиональный интерес:

«Связь заявителя с оперативными службами сама по себе не опровергает факта вымогательства. Возможно, человек ранее привлекался к конфиденциальному сотрудниче-

ству. Что по факту передачи денег?»

«А по факту передачи денег у вас в деле зияет дыра размером с грузовой ангар», продолжил майор. «Смывы с ладоней и пальцев Крайнова отрицательные. Ни единого следа люминесцентного химического препарата Огонёк эксперт на коже капитана не выявил. Деньги были обнаружены в металлическом шкафчике раздевалки дежурной части, который запирается на простейший почтовый замок китайского производства. Ключи от таких замков висят на общей доске у дневального. Аудиозапись оперативного эксперимента, которую ваши оперативники приложили к протоколу, не содержит ни единого членораздельного слова Крайнова: в справке эксперта указано наличие сплошного акустического шума и помех. А теперь скажите мне, Юлия Валерьевна: кто выступал понятыми при изъятии денег из шкафчика?»

Семёнова открыла синюю картонную папку, нашла нужный лист и пробежала глазами строки протокола:

«Граждане Смирнов и Левашов. Студенты юридического колледжа».

«Не просто студенты», усмехнулся Герасимов. «Это стажеры окружного отдела ЭБиПК, проходящие производственную практику под личным кураторством подполковника Романа Зубова. Заинтересованные лица, прямо подчиненные оперативному составу. Нарушение статьи шестидесятой Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В любом состязательном судебном процессе та-

кой протокол выемки признается недопустимым доказательством на предварительном слушании за пять минут».

Следователь медленно откинулась на спинку кожаного кресла. Ее лицо стало предельно сосредоточенным. Она не стала спорить или защищать ведомственные материалы. Как опытный процессуалист, она мгновенно просчитала юридические риски:

«Допустим, оперативный эксперимент проведен с грубыми дефектами. Допустим, окружники торопились и сработали на грани фола. Но зачем подполковнику Зубову фабриковать дело против рядового инспектора ДПС? Каков мотив? Взятка в двести тысяч это для окружного ЭБиПК даже не мелкая монета, это статистическая погрешность».

«Вот именно: служебная погрешность», с нажимом произнес Герасимов. «Все дело в том, что в ночь на четырнадцатое ноября на сто семьдесят восьмом километре ЦКАД Крайнов оформил аварию с участием продуктового фургона ГАЗон Next с рязанскими номерами. Под ящиками сметаны и творога в изотермическом кузове находились четыре армейских контейнера с маркировкой частного оператора Северный шлюз. Внутри контейнеров лежали прецизионные блоки управления промышленными приводами и титановые запорные клапаны высокого давления со спиленными заводскими номерами и знаками военной приемки. А свинцовая пломба на дверях фургона имела гербовый оттиск базы Росрезерва и следы повторного обжатия».

Семёнова подалась вперед, и ее зрачки расширились:

«Росрезерв? Спиленные серийные номера на титановых клапанах?»

«Да. Стратегическое оборудование стоимостью в десятки миллионов рублей вывозилось под видом прокисшего творога по поддельным товарно-транспортным накладным. Когда Крайнов начал вызывать следственно-оперативную группу, на место лично прилетел подполковник Зубов с вооруженными людьми, забрал грузовик без оформления протокола изъятия, сунул Крайнову конверт с деньгами и пригрозил тюрьмой, если тот откроет рот. А через две минуты после этого шестнадцать камер дорожного комплекса Поток на южной дуге ЦКАД синхронно отключились на сорок пять минут под предлогом технологического обновления серверов».

«Кто санкционировал отключение камер?» быстро спросила Семёнова.

«Команда на серверный сброс пришла по защищенному ведомственному каналу спецсвязи с терминала оперативно-поискового управления», ответил Герасимов. «Мой напарник Широков прямо сейчас вскрывает сетевые логи. Но это еще не все, капитан. Сегодня в два часа ночи в камеру изолятора к Крайнову приходил человек в штатском. Без отметки в постовой ведомости дежурной части. Высокий, подтянутый, с армейской выправкой, шрамом на правом виске и татуировкой парашютного купола с кинжалом на запястье.

Он пообещал Крайнову, что если капитан начнет давать показания на суде, его жена и дети погибнут в автокатастрофе».

Юлия резко побледнела. Ее ладонь легла на толстую папку дела:

«Офицер спецподразделения? В камере режимного изолятора главка на Петровке?»

«Это не просто офицер», тихо сказал Герасимов. «По нашим базам с такими приметами проходит Олег Игоревич Брагин. Бывший подполковник спецназа госбезопасности, ныне начальник службы безопасности консорциума Северный Инфраструктурный Альянс. Корпорации олигарха Романа Бурцева, которая строит сейчас всю сеть автоматизированных грузовых хабов в Московском транспортном узле по многомиллиардной концессии с министерством».

В кабинете повисла тяжелая, гулкая тишина. Было слышно, как за двойным стеклопакетом монотонно шуршит по карнизу мокрый ноябрьский снег.

Семёнова поднялась со своего места, подошла к окну и несколько секунд смотрела на мокрые крыши старой Москвы:

«Майор, вы понимаете, во что вы сейчас входите? Роман Бурцев входит в экспертный совет при правительстве. Проект Северного Инфраструктурного Альянса курирует лично заместитель руководителя департамента инфраструктуры Владислав Стрежнев. Это миллиарды бюджетных средств, федеральная программа, закрытые постановления. Если мы

сейчас сломаем конструкцию Зубова и заявим в суде о провокации взятки, нас не просто снимут с должностей. Нас раскатают в порошок за сорок восемь часов».

«Я понимаю», спокойно ответил Герасимов. «Но я также понимаю другое: если вы завтра отправите Крайнова в следственный изолятор, его найдут повешенным на простыне в камере через трое суток. Как сегодня утром нашли складского грузчика в изоляторе Видного, который переклеивал штрихкоды на этих самых ящиках».

Семёнова резко повернулась к майору: «В Видном уже есть труп?»

«Погибший рабочий проходил по материалу о краже ящиков с подшипниками на том же складе. Официальная версия: суицид. Эксперт Заславский сейчас проводит первичное вскрытие. Он уже шепнул мне по телефону, что на теле видны следы фармакологического паралича».

Следователь подошла к своему столу, решительно взяла ходатайство об избрании меры пресечения и перечеркнула титульный лист черной гелевой ручкой:

«Завтра в Басманный суд я выхожу не с ходатайством об аресте. Я заявлю ходатайство о продлении срока задержания подозреваемого на семьдесят два часа в порядке пункта третьего части седьмой статьи сто восьмой УПК РФ для сбора дополнительных сведений о личности и обстоятельствах дела. Либо попрошу домашний арест с запретом определенных действий. Это даст нам трое суток законного времени».

«Зубов будет давить на руководство комитета», предупредил Герасимов.

«Пусть давит», в голосе Семёновой впервые прозвучала холодная сталь. «Мой непосредственный руководитель генерал-майор юстиции Баринов не любит, когда окружные полицейские начальники пытаются использовать Следственный комитет в качестве слепого топора для зачистки своих криминальных хвостов. Но мне нужны доказательства, Герасимов. Железные, неопровержимые вещественные улики. Без них судья не станет слушать наши рассказы про титановые задвижки».

«Улики есть», Герасимов встал со стула. «Крайнов успел спрятать карту памяти из своего скрытого видеорегистратора в тайнике в гараже. Там зафиксирован весь разговор с Зубовым и номера ушедшего грузовика. И там же лежит оригинальный дубликат накладной. Тайник находится в Щербинке. Мы с Широковым едем туда прямо сейчас».

«Я еду с вами», твердо произнесла Семёнова, доставая из сейфа бланк протокола выемки и служебное удостоверение. «Процессуально изъятие вещдока должно быть оформлено следователем Следственного комитета с участием независимых понятых. Иначе в суде эту флешку признают недопустимой уликой, найденной в куче мусора. Выезжаем немедленно».

Глава 5. Цифровой мираж

Варшавское шоссе за пределами кольцевой автодороги тонуло в густом, сыром мареве из поднятой колесами грязи, распыленных реагентов и серых выхлопных газов. Тяжелые многоосные автопоезда, ползущие в сторону Подольска и Чехова, вздымали за собой сплошные водяные шлейфы, в которых почти растворялись стоп-сигналы впереди идущих машин. Стеклоочистители служебного седана Герасимова работали на максимальной скорости, с монотонным резиновым скрипом смахивая с лобового стекла жирную черную пленку.

На переднем пассажирском сиденье сидела капитан юстиции Юлия Семёнова. Она сняла форменную фуражку, положила ее на колени и внимательно изучала через экран служебного планшета распечатки регистрационных дел подставных юридических лиц, связанных с логистическим узлом в Домодедово:

«Посмотрите сюда, Артём Дмитриевич. Фирма Агро-Транзит, выдавшая фальшивую накладную на молочную продукцию, зарегистрирована в Рязани шесть месяцев назад. Уставный капитал: десять тысяч рублей. Единственный учредитель и генеральный директор: некий гражданин Пантюхин, шестьдесят третьего года рождения, ранее судимый за бродяжничество и утративший паспорт еще в двенадца-

том году. Классическая помойка, созданная исключительно под обналичивание и оформление фиктивных товарных партий».

«Обычная однодневка для сброса следов», кивнул Герасимов, плавно перестраиваясь в левый ряд между двумя ревущими фурами. «Таких контор в Подмосковье штампуют сотнями. Настоящие заказчики никогда не светят свои реквизиты в дорожных путевках. Они используют так называемый сквозной шлюз: груз формально принадлежит рязанскому бомжу, экспедирует его фирма из Смоленска, а разгружается он на охраняемом терминале с миллиардными оборотами».

В этот момент на приборной панели ожил защищенный коммуникатор закрытой радиосвязи. Раздался резкий цифровой зуммер, и в салоне зазвучал громкий, взволнованный голос Вадима Широкова:

«Артём, прием! Семёнова рядом с тобой?»

«Рядом, Вадим. Мы на связи по закрытому каналу, говори в открытую».

«Тогда держитесь за руль крепче, потому что я только что вскрыл протоколы маршрутизации ведомственного сервера безопасности дорожного движения. Помнишь ту сорокаминутную слепую зону на ЦКАД, когда шестнадцать камер Потока синхронно отключились?»

«Помню каждую секунду», отозвался майор. «Что в системных логах?»

«Команда на принудительный технологический сброс питания дорожных контроллеров пришла не из технического отдела ЦОДД и не из управления информационных технологий автодора. Сигнал ушел с физического IP-адреса, зарегистрированного за рабочей станцией номер восемь в окружном управлении экономической безопасности на улице академика Варги. И логин пользователя, под которым была активирована сервисная команда аварийного обслуживания, принадлежит старшему оперуполномоченному майору Тарасову. Это правая рука и личный адъютант подполковника Романа Зубова!»

Семёнова оторвала взгляд от планшета и резко повернулась к динамику связи:

«Капитан Широков, вы можете процессуально зафиксировать этот сетевой след? Снять хэш-сумму системного файла, составить справку специалиста с электронно-цифровой подписью?»

«Уже сделал, товарищ следователь», с законной профессиональной гордостью ответил Широков. «Дамп оперативной памяти сервера слит, системный журнал транзакций зашифрован по протоколу ГОСТ и скопирован на защищенный накопитель. Зубов теперь может хоть топором свой системный блок разбить: электронный след в центральном хранилище министерства стереть задним числом невозможно. Но это только первая часть марлезонского балета».

«Что еще?» спросил Герасимов, прибавляя газ.

«Я восстановил физический маршрут белого рефрижератора ГАЗон Next после того, как он прошел слепую зону», быстро заговорил напарник. «Камеры на кольце они отключили, но про умные перекрестки сельских поселений они забыли! В три часа сорок две минуты ночи грузовик зафиксирован локальной камерой фиксации скорости на въезде в деревню Истомиха. Машина шла со скоростью сто десять километров в час, передний бампер помят, решетка перевязана буксировочным фалом. А в четыре часа десять минут этот же борт зашел через северные автоматические ворота на территорию грузового логистического комплекса Северный шлюз в Домодедовском районе. И больше оттуда не выезжал».

«Северный шлюз», повторила Семёнова, быстро делая пометку в блокноте. «Таможенно-логистический терминал площадью пятьдесят гектаров. Собственная железнодорожная ветка, контейнерная площадка на десять тысяч единиц, автоматизированные склады высотного хранения. Официальный оператор: закрытое акционерное общество Северный шлюз, дочерняя структура холдинга Северный Инфраструктурный Альянс олигарха Романа Бурцева».

«Именно так», подтвердил Широков. «Но самое поганое я оставил на десерт. Ребята, где вы сейчас находитесь?»

«Проходим поворот на Щербинку», ответил Герасимов. «До гаражного кооператива Крайнова осталось километра три по прямой».

«Тогда бросай машину на обочину или жми педаль в пол!» голос Широкова стал тревожным и жестким. «Две минуты назад в сотовой сети ожил личный мобильный телефон капитана Крайнова. Тот самый смартфон, который окружные безопасники якобы изъяли при задержании и опечатали в камере вещественных доказательств следственного отдела!»

Герасимов мгновенно напрягся, бросив взгляд в зеркало заднего вида:

«Где фиксируется базовая станция?»

«Аппарат зарегистрирован вышкой сотовой связи на Симферопольском шоссе, сектор три! Он движется в вашем направлении со скоростью девяносто километров в час. До гаражей Крайнова ему ехать меньше четырех минут. За аппаратом идет черный микроавтобус Фольксваген Мультиван с наглухо тонированными стеклами и номерами оперативного прикрытия. Я пробил эти номера по оперативной базе: спецсерия, закрепленная за службой безопасности консорциума СИА!»

«Они везут телефон Крайнова, чтобы привязать его геолокацию к месту закладки или к новому эпизоду вымогательства», мгновенно сообразила Семёнова. «Или они выбили из Крайнова признание о тайнике через того ночного визитера!»

«Крайнов им ничего не сказал», глухо отозвался Герасимов. «Он держался зубами. Но Зубов и Брагин не идиоты.

Если они перевернули весь гараж и не нашли карту памяти в первый раз, они поняли, что капитан спрятал улику прямо на месте. Они едут зачистить гараж до основания, пока мы не успели до него добраться».

Герасимов резко вывернул руль вправо, срезая угол через полузатопленную грунтовую обочину, и с ревом мотора вывел Форд на узкую асфальтовую дорожку, ведущую к железнодорожному переезду.

Гаражный кооператив Автомобилист-4 представлял собой унылый лабиринт из трех сотен однотипных кирпичных боксов с серыми жестяными воротами, зажатый между высокой железнодорожной насыпью Курского направления и заброшенной промзоной бетонного завода. Ноябрьская распутица превратила центральный проезд кооператива в вязкую колею из рыжей глины, битого кирпича и луж, покрытых радужными масляными разводами.

В конце второго ряда, возле бокса под номером двести восемнадцать, уже стоял тот самый черный микроавтобус Фольксваген с работающим двигателем. Задние двери бокса были распахнуты настежь. Из темноты гаража доносился глухой металлический лязг и треск ломаемых деревянных досок.

«Сидите в машине, Юлия Валерьевна», тихо, с ледяным спокойствием произнес Герасимов, расстегивая молнию ветровки и доставая из поясной кобуры девятимиллиметровый служебный пистолет Макарова. «Если начнется стрельба, па-

дайте на пол между сиденьями и звоните дежурному прокурору города».

«Майор, я старший следователь Следственного комитета», Семёнова достала из сумочки служебное удостоверение и щелкнула застежкой кобуры своего компактного ПСМ. «Я не привыкла прятаться под ковриками, когда совершается вооруженное преступление на подведомственной территории. Идем вместе. Закон об оружии позволяет применять табельный ствол при отражении группового нападения».

Герасимов коротко усмехнулся: характер следователя нравился ему все больше. Они бесшумно выбрались из машины, прикрываясь корпусом соседнего кирпичного бокса, и двинулись к распахнутым воротам гаража Крайнова.

Возле микроавтобуса дежурил рослый мужчина в темном тактическом костюме без опознавательных знаков, с натянутой до бровей черной шапкой. Он держал руки в карманах куртки, нервно переступая с ноги на ногу на холодном ветру.

Внутри бокса горел мощный галогенный переносной прожектор. Двое мужчин в резиновых сапогах и спецовках ломами методично крушили дощатый настил пола, сбрасывая обломки в темную воду смотровой ямы. Третий стоял на краю ямы и держал в руках включенный строительный эндоскоп с гибким кабелем, подсвечивая кирпичную кладку:

«Давай правее ломай! Инспектор этот тертый калач, он банку в гидроизоляцию засунул, под второй венец кладки!»

«Стоять на месте! Полиция и Следственный комитет!»

громко, командным голосом крикнул Герасимов, шагнув в освещенный проем ворот и направляя ствол пистолета в центр помещения. «Оружие и инструменты на пол! Руки за голову, лицом к стене!»

Мужчина у микроавтобуса мгновенно среагировал: его рука метнулась во внутренний карман, но Семёнова, вскинув компактный пистолет двумя руками, сухо скомандовала:

«Не дергайся! Стреляю на поражение по статье двадцать третьей закона о полиции! Оружие на капот, быстро!»

Часовой замер, оценив холодную решимость в серых глазах девушки, и медленно, двумя пальцами извлек австрийский пистолет Глок-17, бросив его на мокрый металл капота.

Внутри гаража двое рабочих испуганно выронили ломы, подняв перепачканные глиной руки. Но третий мужчина, стоявший на краю ямы, медленно развернулся.

Это был тот самый человек, о котором говорил капитан Крайнов. Около сорока пяти лет, безупречная военная выправка, холодное, словно выточенное из сухого дерева лицо, глубокий рваный шрам на правом виске и немигающий, пустой взгляд серых глаз. На левом запястье, чуть выше края кожаной перчатки, виднелась темная татуировка: парашютный купол и хищный клинок армейского ножа.

Начальник службы безопасности консорциума СИА Олег Игоревич Брагин даже не вздрогнул при виде направленного на него пистолета майора. Он спокойно, не торопясь, опустил эндоскоп на верстак, отряхнул рукав дорогого темного

пуховика и насмешливо посмотрел на Герасимова:

«Майор Артём Герасимов. Собственная безопасность главка. И капитан юстиции Семёнова, Второй отдел следственного комитета. Надо признать, вы работаете быстрее, чем я рассчитывал. Зубов вас недооценил».

«Руки на верстак, Брагин», жестко произнес Герасимов, не опуская ствола. «Любое резкое движение, и я оформлю задержание вооруженного преступника при попытке оказания сопротивления. Ломы и кувалды в чужом гараже это от трех до шести за незаконное проникновение со взломом и умышленное уничтожение чужого имущества».

Брагин снисходительно улыбнулся одними уголками губ:

«Майор, опусти пушку. Ты ведь взрослый, неглупый мужик, бывший инженер. Ты прекрасно знаешь, что через два часа мне позвонит дежурный прокурор области и с извинениями отпустит под подписку, если вы вообще решитесь составить протокол доставления. Мои люди здесь проводят санкционированные следственные действия по поручению следователя окружного отдела. Мы ищем вещественные доказательства по делу о коррупции в отдельном батальоне ДПС».

«По какому поручению?» холодно спросила Семёнова, подходя ближе и держа Брагина на мушке. «Уголовное дело номер сорок один дробь восемьсот находится в моем личном производстве. Никаких поручений службе безопасности частного коммерческого холдинга я не выдавала. Вы нахо-

дитесь на месте преступления незаконно. Совершаете фальсификацию доказательств и давление на участников процесса».

Брагин перевел тяжелый, оценивающий взгляд на Семёнову:

«Девочка, ты играешь в опасные игры. Крайнов уже списанный материал. Он брал взятки пятнадцать лет подряд, вся трасса об этом знает. Ты хочешь сломать свою карьеру и сесть на скамью подсудимых за превышение полномочий ради дорожного взяточника? Подумай о родителях. Они у тебя в Петербурге, интеллигентные люди, преподаватели консерватории. Сердце у пожилых людей слабое, переживаний не выдерживает».

Услышав прямую угрозу семье, Герасимов сделал шаг вперед и с сухим щелчком загнал патрон в патронник:

«Еще одно слово в адрес следователя, Брагин, и ты уедешь отсюда не на своем микроавтобусе, а на скорой помощи с простреленным коленом. Лицом к стене! Ноги на ширину плеч!»

Брагин оценил напряжение мышц майора и понял, что этот офицер стрелять будет без колебаний. Он не стал искушать судьбу, развернулся и уперся ладонями в мокрую кирпичную стену.

Семёнова быстро набрала номер дежурной части главка:

«Дежурный по городу? Капитан юстиции Семёнова, Второй отдел по особо важным делам. Мне срочно требует-

ся группа захвата спецназа ГРОМ и дежурный следователь территориального отдела в гаражный кооператив Автомобилист-4 в Щербинке. Задержание группы вооруженных лиц при попытке уничтожения вещественных доказательств».

Пока следователь диктовала координаты, Герасимов подошел к краю смотровой ямы. Вода на дне была мутной, пахла машинным маслом и бензином. Майор включил фонарь и направил луч на кирпичную кладку под верстаком, где ломы бандитов еще не успели раскрошить шов.

Ровно на высоте полутора метров, прямо под вторым венцом бетонного перекрытия, темнел аккуратно подогнанный кирпич со следами свежего цементного раствора.

Герасимов поддел кирпич кончиком ножа. Кирпич легко поддался и вышел из паза. В образовавшейся сухой нише блеснула круглая жестяная банка из-под советского солидола.

Майор аккуратно извлек банку, открыл плотно притертую крышку и посветил внутрь.

На дне, бережно завернутая в кусок плотного полиэтилена и обмотанная черной изолентой, лежала миниатюрная карта памяти видеорегистратора. А под ней находился сложенный вчетверо подлинный лист товарно-транспортной накладной с номерами заводских пломб, кодами контейнеров и живой круглой печатью консорциума «Северный Инфраструктурный Альянс».

Герасимов повернулся к Брагину. Тот стоял у стены, и в

его холодных глазах впервые мелькнуло бешенство загнанного в угол хищника:

«Вы взяли то, что вам не по зубам, майор. Вы даже не представляете, чьи подписи стоят на этих контрактах. Завтра вы оба будете умолять, чтобы вас просто выгнали со службы».

«Посмотрим, Брагин», спокойно ответил Герасимов, пряча запечатанную банку во внутренний карман. «Физику процесса ты отменить не сможешь. А цепная реакция уже началась».

Глава 6. Кабинет на седьмом этаже

Здание окружного управления внутренних дел на улице Академика Варги выделялось среди типовых серых панельных многоэтажек тяжелой, монументальной архитектурой позднего советского модернизма. Мощный стилобат из темного гранита, узкие зеркальные окна, глухие металлические ворота внутреннего паркинга и два ряда камер наружного наблюдения с инфракрасной подсветкой создавали впечатление неприступного бастиона. На седьмом этаже, куда вели отдельные скоростные лифты с электронным доступом по чип-картам, располагалось управление экономической безопасности и противодействия коррупции.

В приемной начальника управления пахло дорогим зерновым кофе, хорошей кожей и свежими полиграфическими журналами по арбитражной практике. За широким столом из темного ореха сидела безупречно одетая секретарша в строгом сером костюме, с вежливой улыбкой просматривавшая ведомственную почту на безрамочном моноблоке.

«Майор Герасимов? Полковник Зубов вас ожидает. Проходите, пожалуйста».

Герасимов толкнул тяжелую дубовую дверь с шумоизолирующей обивкой и вошел в кабинет.

Кабинет начальника окружного УЭБиПК производил впечатление резиденции топ-менеджера крупного инвести-

ционного банка. На полу лежал толстый шерстяной ковер благородного графитового оттенка, приглушавший шаги. Вдоль стен протянулись застекленные шкафы из карельской березы с собраниями комментариев к Налоговому и Гражданскому кодексам. В правом углу, на специальной подставке из мореного дуба, мерцала лампадка перед старинной иконой Георгия Победоносца в массивном серебряном окладе. Рядом в стеклянной витрине поблескивал наградной девятимиллиметровый пистолет Ярыгина с памятной гравировкой от министра. Из панорамного окна открывался захватывающий вид на юго-западные кварталы столицы, проспекты Вернадского и Ленинский, тонувшие в сизой вечерней дымке.

Полковник полиции Роман Платонович Зубов стоял у окна, заложив руки за спину. Ему было около пятидесяти лет. Плотная, спортивная фигура без малейшего намека на лишний вес, идеально сидящий темно-синий форменный китель с генеральскими лампасами и золотым шитьем на воротнике, короткие седеющие волосы и гладко выбритое лицо с волевым подбородком. Он не выглядел кабинетным бюрократом: в каждом его движении сквозила уверенность хищника, привыкшего единолично распоряжаться судьбами людей и финансовыми потоками целого региона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.